УДК 811.111

DOI 10.25205/1818-7935-2018-16-4-143-157

Т. В. Бобылева

*Новосибирский государственный университет
ул. Пирогова, 1, Новосибирск, 630090, Россия*

tanvbob2018@gmail.com

**ТРАДИЦИОННЫЕ И НОВЫЕ ПОДХОДЫ
К ИНТЕРПРЕТАЦИИ АНТИТЕЗЫ «SENSE AND SENSIBILITY»
В НАЗВАНИИ РОМАНА ДЖ. ОСТИН**

Целью представленного в данной статье анализа возможных интерпретаций антитезы «Sense and Sensibility» в названии романа Дж. Остин является создание обобщённого теоретического материала для более широких исследований. Они представлены в других статьях и посвящены изучению передачи антитезы «Sense and Sensibility» в переводах данного романа Дж. Остин (в том числе, новых) на французский и русский языки: как в составе названия, так и в качестве основного послания в макроконтексте романа. В качестве практической части в данной статье предлагаются новые возможные интерпретации рассматриваемой антитезы. В частности: 1) предположение о двойственном характере значения самой антитезы: не только традиционная оппозиция «разум vs чувства», но и смысл (sense) объективной реальности vs субъективная чувствительность (sensitivity) индивида; 2) сопоставление нравственного послания романа (оппозиция «разум vs чувства» с признанием достоинств разума) и современных теорий эмоционального интеллекта. Доказывается, что теория эмоционального интеллекта (по модели П. Саловея и Дж. Майера) идентична по своему содержанию представленным в произведении классическим истинам о достоинствах разума, но при этом дополнена коммерческими и прагматическими аспектами. Кроме того, представленная в статье новая интерпретация антитезы (смысл объективной реальности vs субъективная чувствительность индивида) дополнена примерами возможных переводов названия на русский язык, передающих соответствующее содержание и в то же время сохраняющих аллитерацию, которая имеет место в ИЯ.

Ключевые слова: английский язык, антитеза, Джейн Остин, интерпретация, макроконтекст, оппозиция, перевод, эмоциональный интеллект.

Элементы антитезы «Sense and Sensibility» в романе Дж. Остин, рассматриваемые нами в лингвистическом аспекте (как в названии, так и в макроконтексте всего произведения), являются одним из предметов нашего более широкого исследования, посвящённого изучению переводов данного романа (в том числе, новых) на французский и русский языки [Бобылева, 2018].

Актуальность всего исследования в целом обусловлена возрастающим интересом в современном языкознании к феномену повторного перевода и новым интерпретациям классических произведений [Mattos, 2015. Р. 41–51].

Бобылева Т. В. Традиционные и новые подходы к интерпретации антитезы «SENSE / SENSIBILITY» в названии романа Дж. Остин // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 4. С. 143–157.

ISSN 1818-7935

Вестник НГУ. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Том 16, № 4

© Т. В. Бобылева, 2018

Целью исследования в данной статье является создание обобщённого теоретического материала, включающего в себя традиционные толкования и новые (предлагаемые нами) подходы к пониманию ключевой антитезы в названии и макроконтексте романа – «Sense and Sensibility».

Перед тем как рассмотреть традиционные интерпретации антитезы «Sense and Sensibility» в названии романа Дж. Остин, а также предложить новые подходы к пониманию данного противопоставления и его возможных значений, мы обратимся к историческим сведениям о появлении рассматриваемой антитезы в произведении Дж. Остин.

1. Появление антитезы «Sense and Sensibility» в названии романа. Известно, что изначально Дж. Остин создавала произведение «Sense and Sensibility» как эпистолярный роман под названием «Elinor and Marianne» («Элинора и Марианна») ¹. Работа над ним началась в 1790-е гг., примерно в то же время, когда писательница работала над своим самым известным романом «Pride and Prejudice» («Гордость и предубеждение»). Изначально он назывался «First Impressions» («Первые впечатления»), однако ещё в ходе работы над ним он был переименован. Вероятно, причиной послужил выход в свет в 1800 г. романа М. Холфорд с таким же названием «First Impressions» [Baker, 2008. P. 365]. Предполагают, что новое название «Pride and Prejudice» было заимствовано Дж. Остин из содержания романа Ф. Берни «Сесилия» [Ibid]. Очевидно, что в названиях «Pride and Prejudice» и «Sense and Sensibility» присутствует некоторая аналогия, основанная на использовании аллитерации. Заменяв структуру эпистолярного произведения «Elinor and Marianne» на повествование и сменив личные имена героинь в названии на антитезу «Sense and Sensibility», Дж. Остин углубила своё авторское послание. Начатый в конце XVIII в. и опубликованный в начале уже следующего столетия (первый раз в 1811 г., затем – в 1813 г.), роман «Sense and Sensibility» стал первым изданным произведением Дж. Остин [Goubert, 2013. P. 486].

В своём предисловии к изданию романа 1969 г. британский литературный критик Т. Таннер отметил, что «использование антитезы как способа различения и противопоставления двух качеств с целью достижения большей ясности, более тонкой дифференциации, является одной из доминантных черт прозы XVIII в.»² [Цит. по Jordis, 2013. P. 9].

2. Традиционная интерпретация – антитеза «Sense and Sensibility» как противопоставление разума (здорового смысла) и чувств (в том числе сентиментальности). В традиционном понимании, принятом, вероятно, абсолютным большинством читателей и переводчиков романа, антитеза «Sense and Sensibility» представляет собой контраст двух компонентов в поведении человека: рационального (то есть здорового смысла) и иррационального (то есть чувствительности). Рациональная составляющая традиционно связывается с образом Элинора, а иррациональная – с образом Марианны и сентиментализмом. Считаю необходимым привести здесь справедливое замечание П. Губера, согласно которому читателю не следует полностью отождествлять каждую из сестёр лишь с одним из двух элементов, так как уже в первой главе писательница говорит о наличии у Элинора сильных чувств (*her feelings were strong*) и характеризует Марианну как разумную (*clever*) девушку. Кроме того, П. Губер отмечает, что антитеза в названии может противопоставлять не сами характеры двух сестёр (в каждом человеке в той или иной мере сочетается рациональное и иррациональное), а возможные альтернативы в сфере поведения [Goubert, 2013. P. 478, 480]. Таким образом, речь идет не о различиях в природном потенциале людей, а о том, как именно этот потенциал ими используется [Ibid. P. 476]. Именно в этом заключается нравственное послание романа, по мнению П. Губера.

В отношении понятия *sense* следует отметить, что оно могло интерпретироваться Дж. Остин и в философском смысле – под влиянием любимого проповедника писательницы Т. Шерлока, который считал, что вселенная несет на себе отпечаток *разума, порядка и гармонии* ³. По мнению К. Жорди, послание писательницы в романе заключается в том, что сдержанное и разум-

¹ Doody M., Lamont C. Introduction // Sense and Sensibility. Oxford: Oxford University Press, 2008. P. 7. URL: <https://books.google.ru/>

² Здесь и далее перевод на русский язык наш.

³ Wolf A. Translation, Adaptation, Inscription: Displacing God in Austen's Sense and Sensibility. Montréal: Les Presses de l'Université de Montréal, 2011. P. 870. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2011-v56-n4-meta0154/1011257ar.pdf>

ное поведение индивида является для него способом адаптации к жизни в социуме, для которого это является, в свою очередь, способом поддержания социального порядка [Jordis, 2013. P. 7-37]. Таким образом, в философском смысле сдержанное и разумное поведение личности в романе Дж. Остин призвано не только по возможности ограждать её от несчастий, но также поддерживать порядок в социуме и гармонию во вселенной. Что касается понятия *sensibility*, увлечение чувствительностью (сентиментализмом) в эпоху жизни писательницы не было новым. Данная тенденция развивалась в течение всего века, при поддержке философов, поэтов и романистов. В конце концов, этим понятием начали злоупотреблять, и у него появились свои критики. Сама Дж. Остин нередко демонстрирует в романе «*Sense and Sensibility*» достаточно ироничное отношение к сентиментализму и его последователям, используя для этого образ Марианны Дэшвуд, воспитанной на подобных идеалах.

3.1. Новые интерпретации и подходы: введение.

Среди современных интерпретаций творчества Дж. Остин в целом следует также отметить позиции, относящиеся к идеологии феминизма. Научные публикации, представляющие это направление, уделяют основное внимание борьбе за равенство Дж. Остин с писателями-мужчинами и её включение в литературный канон, в число авторов-классиков. На родине писательницы, в самой Великобритании, Дж. Остин – это одновременно классический и популярный автор, мастер иронии и романист-новатор, своего рода национальное достояние по всеобщему признанию. В других лингвокультурах её статус является предметом общественных и научных дискуссий. В качестве примеров посвящённых данной проблематике феминистских исследований, можно привести работы В. Косси и Л. Гооссен⁴. По их мнению, уже самые первые переводы на французский язык произведений Дж. Остин (в частности, «*Sense and Sensibility*») оказались причиной того, почему канонический статус Дж. Остин как литературного классика не был принят во Франции. Выполненные швейцарской писательницей И. де Монтольё (1751–1832), эти вольные переводы закрепили в восприятии многих поколений франкоязычной аудитории стойкую ассоциацию между творчеством Дж. Остин и сентиментализмом в литературе, яркой представительницей которого была сама И. де Монтольё. Представительницы феминистского подхода видят в произведениях Дж. Остин зарождение феминистского сознания [Marshall, 1992]. Однако, по мнению Л. Гооссен, отсутствие акцента на столь важных социальных вопросах как положение женщин в обществе в переводе И. де Монтольё связано с большим влиянием на неё не только стереотипов её эпохи, но также и трудов Ж. Ж. Руссо, которого она в юности знала лично. Л. Гооссен обращает внимание на то, что в своих произведениях Ж. Ж. Руссо подчеркивал гендерное неравенство, считая его естественным. Власть, сила и разум должны быть характерны для мужчины, а пассивность и сентиментальность – для женщины⁵. По мнению исследовательницы, именно такие взгляды повлияли на мировоззрение и стиль И. де Монтольё и её желание не слишком акцентировать внимание на проблеме гендерного неравенства в социуме.

По замечанию В. Косси, репутация Дж. Остин как выдающегося классического автора могла быть установлена во Франции при публикации более современных переводов, однако, и в них, по её мнению, обнаруживаются свои недостатки. Дальнейшая логика исследовательницы вписывается в стратегию демонстративных атак со стороны представительниц позиций феминизма на авторитетные издательства и редакции, которые, по их мнению, «заражены» патриархальной идеологией и поэтому намеренно дискриминируют авторов-женщин. В качестве объекта подобных обвинений в исследовании В. Косси выступают авторитетный издательский дом «Галлимар» (фр. Gallimard), а также его книжная серия «Библиотека Плеяды» (фр. Bibliothèque de la Pléiade), в рамках которой в 2000 г. были опубликованы современные переводы на французский язык некоторых произведений Дж. Остин. В. Косси даже приво-

⁴ Cossy V. Why Austen cannot be a “classique” in French: New Directions in the French Reception of Austen / Jane Austen Society of North America. 2010. Vol. 30. No. 2. // URL: <http://www.jasna.org/persuasions/on-line/vol30no2/cossy.html>.
Goossen L. La représentation de la condition féminine dans *Sense and Sensibility* de Jane Austen et dans deux traductions: *Raison et Sensibilité* par Isabelle de Montolieu et *Le Cœur et la Raison* par Pierre Goubert. Mémoire de master. 2016. P. 30. Université Radboud // URL: <http://theses.uibn.ru.nl/bitstream/handle/123456789/1963/Goossen,%20L.H.%204243641.pdf>

⁵ Goossen L. Op. cit. P. 30.

дит ряд аргументов, доказывающих, по её мнению, субъективный и дискриминирующий подход по отношению к Дж. Остин как автору-женщине со стороны самого издательства, а также П. Губера, который перевёл для данной серии рассматриваемый нами роман «Sense and Sensibility»⁶. Отметим, что представительницы феминистского подхода стремятся, прежде всего, утвердить статус писательницы в истории литературы (и культуры в целом) главным образом как женщины, нередко пренебрегая при этом более широкой общественно-психологической проблематикой, конкретными литературоведческими и лингвистическими аспектами её произведений и их переводов.

В связи с этим мы ограничимся лишь краткой констатацией феминистского подхода в качестве одной из современных интерпретаций творчества Дж. Остин. Ниже мы рассмотрим вопрос с иной, эмоционально-логической, стороны и предложим свои новые интерпретации, относящиеся, однако, не ко всему творчеству Дж. Остин в целом, а к его отдельным элементам – непосредственному предмету нашего исследования – лексемам *sense* и *sensibility*, образующим ключевую антитезу в названии и макроконтексте романа.

3.2. Антитеза «Sense and Sensibility» как столкновение объективной реальности и субъективной чувствительности человека. «Смысл» как одно из значений английской лексемы *sense* наталкивает нас на интересное предположение о том, что игра слов в названии ещё более глубока и многогранна, чем это может показаться на первый взгляд. Возможно, в названии романа автор предлагает не только традиционно принятое переводчиками и читателями противопоставление разума/здорового смысла и чувств/сентиментальности. На наш взгляд, противопоставление подлинного **смысла/значения** (*sense*) всего объективно происходящего в жизни персонажей и их индивидуальной способности в той или иной мере чувствовать (*sensibility*) эту реальность почти столь же регулярно и последовательно подчёркивается автором в произведении, как и традиционное противопоставление разума и чувств.

Уже с первых страниц неповторимый ироничный стиль автора заставляет читателя задуматься над философской проблемой – старой, как мир, нередко трагикомичной темой: субъективность человека (вследствие отсутствия, недостатка или избытка *sensibility*) в его восприятии подлинного смысла (*sense*) объективной реальности, в частности, в его отношениях с другими членами социума. Приведём лишь несколько примеров из большого количества таких явлений, описанных автором в сюжете самого произведения (табл. 1):

Таблица 1

«Sense and Sensibility» как столкновение объективной реальности
и субъективной чувствительности человека

№	Персонаж(и)	Примеры соотношения смысла (<i>sense</i>) объективной реальности и степени чувствительности (<i>sensibility</i>) персонажей
1	Джон Дэшвуд	Уже с первых глав Джон Дэшвуд ставит перед собой цель помогать вдове своего отца и сёстрам, но так ничего существенного и не делает для них до самого конца романа. Вследствие эгоизма и отсутствия чувствительности (отсутствия <i>sensibility</i>) ему кажется, что он достойно исполняет свой долг пасынка и брата, что не соответствует значению/смыслу (<i>sense</i>) всех его действий в объективной реальности.
2	Сэр Джон Мидлтон, миссис Дженнингс	Миссис Дэшвуд и её дочери приобретают добрых и великодушных соседей в лице весьма разговорчивых сэра Джона Мидлтона и миссис Дженнингс, однако последним не всегда хватает чувствительности (<i>sensibility</i>), чтобы оценить объективно происходящее (<i>sense</i>) и быть более деликатными и тактичными знакомыми. Например, при получении Марианной письма от Уиллоби, миссис Дженнингс совершенно убеждена, что речь идёт о предстоящей свадьбе. Ей недостаёт чувствительности, чтобы понять по поведению обеих сестёр Дэшвуд, что приближается разрыв романтических отношений между Марианной и её возлюбленным...

⁶ Cossy V. Why Austen cannot be a “classique” in French: New Directions in the French Reception of Austen / Jane Austen Society of North America. 2010. Vol. 30. No. 2. // URL: <http://www.jasna.org/persuasions/on-line/vol30no2/cossy.html>

3	Миссис Феррарс, её дочь Фанни Дэшвуд, её супруг Джон Дэшвуд, а также леди Мидлтон.	Ряд состоятельных персонажей в романе считают и ощущают себя достойными членами элитных кругов светского общества с безупречной репутацией. Однако более объективному и более чувствительному (обладающему sensibility) наблюдателю (например, самому читателю или Элинор) становится очевидным истинный смысл (sense) происходящего: всё поведение этих персонажей и практически все их поступки продиктованы (возможно, подсознательно) внутренним эгоизмом. Драма этих людей в романе состоит в том, что им самим никогда не будет дано это почувствовать. Причиной неспособности данных персонажей увидеть подлинный, объективный смысл (sense) своей собственной природы является практически полное отсутствие в самой их природе чувствительности (sensibility).
4	Марианна Дэшвуд	В отличие от персонажей, указанных выше, Марианна, как принято считать, страдала не от недостатка, а от избытка чувствительности (sensibility) и как следствие практически всегда неверно истолковывала подлинное значение (sense) происходящего вокруг.
5	Элинор Дэшвуд, полковник Брэндон	Эти два персонажа оказались в одинаковом положении: их привязанность к предметам их любви была осторожной и скрытой. Полковник Брэндон считал, что у него нет шансов завоевать сердце юной Марианны, а Элинор периодически огорчалась и сомневалась в том, что чувства к ней Эдварда действительно сильны. Два самых разумных персонажа в романе не могли в силу своей чувствительности (sensibility) полностью увидеть истинный смысл (sense) объективно происходящего: судьба (в лице автора романа) позволила им встретить свою вторую половину.
6	Эдвард Феррарс	Чувствительность (sensibility) Эдварда лишь со временем позволила ему оценить объективный смысл (sense) своей юношеской помолвки: он оказался связан обещанием жениться на корыстной и честолюбивой Люси Стил.
7	Люси Стил	Через восприятие Элинор, чей уровень чувствительности (sensibility) помогает ей увидеть подлинный смысл (sense) происходящего, автор подчёркивает, что, несмотря на достаточно хорошие манеры, Люси Стил не смогла вовремя оценить и развить свои неплохие личные способности через образование. Она не замечала или не хотела замечать ограниченности собственного кругозора, так как ей не хватало чувствительности (sensibility) к подлинному смыслу (sense) собственной природы (обладающей неплохими задатками) и к объективной ценности хорошего образования.

Вывод

Возможно, одним из посланий автора в романе (наряду с традиционным воспитательным противопоставлением разума и чувств) было подчёркивание нередко решающей роли индивидуальной СТЕПЕНИ (отсутствия, недостатка, присутствия или избытка) субъективной чувствительности (sensibility) индивида в оценке смысла (sense) объективно происходящих в его жизни событий.

Если это так, то автор напоминает нам о вечной как мир истине: никто из людей не застрахован от искажений (вследствие своих сомнений, надежд и др.) в восприятии объективной действительности. В своём романе (и некоторых других своих произведениях) Дж. Остин многократно (и нередко иронично) иллюстрирует подобные трагикомичные недоразумения че-

ловеческой жизни: столкновение индивидуальных ожиданий личности и подлинного смысла происходящего.

Как известно, на столкновении субъективности человека и объективной реальности основаны вся человеческая жизнь и большинство художественных произведений.

Однако в данном случае мы говорим о возможном присутствии данного послания не только в сюжете, но и в самом названии произведения, наряду с традиционной трактовкой антитезы «sense and sensibility» как противопоставления разума и чувств.

Следует отметить, что ни один из рассматриваемых нами переводчиков романа не интерпретировал авторское послание как столкновение объективного смысла (sense) реальности и субъективной чувствительности (sensibility) индивида. Поэтому при изучении переводов названия романа мы не предпринимали попытки установления возможных связей (в том числе ассоциативных) между переводами названия и его дополнительного, гипотетически возможного смысла, описанного нами выше. Кроме того, сложно представить такой перевод названия романа, в котором одновременно сочетались бы оба смысла (противопоставление разума и чувств, а также противопоставление объективного смысла действительности и субъективной чувствительности индивида), как это имеет место (намеренно или случайно со стороны автора) в ИЯ.

Однако мы позволим себе предложить варианты перевода названия, в которых отражается лишь предложенное нами противопоставление объективного смысла реальности и субъективной чувствительности:

«Реальность и Ранимость»;

«Истина и Иллюзии»;

«Жизнь и Желания».

Мы заменили понятие субъективной чувствительности на ранимость в первом случае, а также на иллюзии и желания (как субъективные искажения в чувствительности персонажей) – во втором и третьем, с целью сохранить аллитерацию (повтор идентичной согласной/гласной в начале слов в названии, как это сделано автором в ИЯ). Мы не претендуем на эстетическое совершенство, научную ценность или адекватность данных версий перевода названия. Они лишь являются нашими решениями гипотетической задачи отражения противопоставления объективности и субъективности при переводе названия произведения на русский язык.

3.3. Сопоставление ключевых лексем sense/sensibility и макроконтекста романа с современными подходами к эмоциональному интеллекту. В своём традиционном понимании, воспитательный аспект в романе «Sense and Sensibility» выражен нравственным посланием автора, согласно которому человеку необходимо уметь подчинять свои чувства и эмоции разуму и здравому смыслу. Данный навык особенно необходим при социальном взаимодействии и является одним из показателей зрелости человеческой личности. Однако сегодня эта классическая точка зрения, дошедшая до нас в данном произведении Дж. Остин из Англии конца XVIII – начала XIX вв., может обрести новое прочтение в связи с современными тенденциями в понимании взаимодействия между разумом и эмоциями⁷.

В конце XX – начале XXI вв. в американской и западноевропейской психологии и культуре всё больше выдвигаются достоинства так называемого «эмоционального интеллекта» (англ. *emotional intelligence*) как «способности наблюдать за своими эмоциями и эмоциями других людей, распознавать и правильно определять различные эмоции, а также использовать эту информацию об эмоциях в качестве ориентира в мышлении и поведении» [Colman, 2015. P. 244]. В своей публикации 1990 г., которая является одним из самых известных источников по теории эмоционального интеллекта, исследователи П. Саловей⁸ и Дж. Майер выделили четыре его составляющие: 1) восприятие эмоций; 2) использование эмоций для стимуляции

⁷ Следует отметить, что современные теории эмоционального интеллекта подвергаются определённой критике со стороны специалистов в области психологии, однако в наши цели и компетенции не входит полная научная экспертиза данных современных теорий, а лишь анализ их соотношения с ключевыми лексемами в названии романа и его макроконтекстом.

⁸ Социальный психолог, ныне – действующий президент Йельского университета.

мышления; 3) понимание эмоций; 4) управление эмоциями [Salovey, Mayer, 1990. P. 185–211]. В классификациях других исследователей также фигурируют такие компоненты как эмпатия⁹ (сопереживание), самоуважение, социальная ответственность, стрессоустойчивость, контролирование импульсов, оценка действительности¹⁰ и т.д.

Следует подчеркнуть, что концепция эмоционального интеллекта как особой компетенции в области управления своими эмоциями не является единственным подходом к пониманию эмоционального интеллекта. Существуют и другие определения, полностью противопоставляющие эмоциональный интеллект рационально-логическому и научному мышлению. В своей работе, посвящённой восприятию человеком виртуальной и воображаемой реальности, Д. А. Поспелов отмечает, что для логики человеческого воображения (сознательно или неосознанно) характерен частичный либо полный отказ от фундаментальных законов абстрактной логики: закона противоречия, закона тождества, закона исключённого третьего, закона достаточного основания и т. д.¹¹ Восприятию человеком реальности через воображение и иррациональному эмоциональному интеллекту посвящено немало работ. Кроме того, именно на восприятие человеком реальности через эмоции направлены сегодня способы фильтрации, членения, структурирования и интерпретации реальности в электронных и печатных СМИ [Войскунский, 2001]¹².

Осознанное или неосознанное нарушение рациональных законов логики и восприятие ложной, возможно, намеренно искажённой другими членами социума реальности без критического анализа соответствуют спонтанным субъективным реакциям и нередко ложным выводам одной из главных героинь романа Марианны, с образом которой традиционно связана лексема *sensibility* в ключевой антитезе и макроконтексте рассматриваемого нами романа.

В то же время рассмотренная нами выше теория эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера соответствует поведению второй главной героини Элинон, с образом которой традиционно связана лексема *sense* в названии и макроконтексте романа. Ниже мы попытаемся это доказать с помощью примеров из сюжета романа и непосредственно лингвистического материала.

3.4. Эмоциональный интеллект и понятие *sense*. Прежде всего, отметим очевидное сходство эмоционального интеллекта как управления эмоциями с понятием *sense* и с поведением героини Элинон, с образом которой этот компонент традиционно ассоциируется в романе. Элинон распознавала в своей душе негативные переживания (п. 1 в классификации П. Саловея и Дж. Майера) и умела ими управлять (п. 4 там же), в том числе подавлять, во имя практических целей и здравого смысла.

Другой важный компонент эмоционального интеллекта «эмпатия» (п. 3 в классификации П. Саловея и Дж. Майера) кажется, на первый взгляд, близким понятию *sensibility* (а также сентиментализму в целом) и образу Марианны. Однако, внимательно анализируя содержание романа, можно заметить, что подлинное сочувствие (понимание тревог и забот окружающих, а также нежелание беспокоить их своими проблемами) постоянно проявляется со стороны Элинон, которая воплощает понятие *sense*. Дж. Остин показывает, что, находясь в стрессовых ситуациях, Элинон никогда не избегала обычного общения с семьёй, чем оберегала близких от тревог за себя, что наглядно демонстрирует её способность к эмпатии и к пониманию чувств и эмоций других людей.

Кроме того, Элинон умела создавать благоприятную эмоциональную атмосферу с целью успокоиться, то есть, была способна генерировать конструктивные, позитивные эмоции (использование эмоций и их стимуляция являются п. 2 в классификации П. Саловея и Дж. Майе-

⁹ В модели эмоционального интеллекта Д. Гоулмана.

¹⁰ Эти 5 пунктов входят в список 15 компонентов социального и эмоционального интеллекта Р. Бар-Она [Bar-On, 2006. P. 13–25].

¹¹ Поспелов Д. А. Где исчезают виртуальные миры? // Новости искусственного интеллекта. № 3. 2003. URL: <http://raai.org/library/library.shtml?ainewspapers>

¹² Дж. Престон даже разделила пространство телепередач соответственно шести факторам, позиционирующимся вдоль шкалы "Ориентация на реальность – Ориентация на фантазию" [Войскунский, 2001].

ра). После отъезда своего возлюбленного Эдварда она сразу села рисовать. Рисование не только является её любимым занятием в романе, но и создаёт достаточно размеренное настроение, способствующее спокойным размышлениям¹³. Регулярное обращение героини к этому занятию означает её умение создавать благоприятную эмоциональную атмосферу, чтобы спокойно размышлять о текущих проблемах.

В романе присутствует очень много подтверждений описанных выше особенностей характера и поведения Элинора. В качестве лингвистического материала, доказывающего наше утверждение об их соответствии основным принципам теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера, мы приведём в табл. 2 два наиболее наглядных примера – общую характеристику персонажа от самого автора и пример типичного поведения Элинора в стрессовых ситуациях.

Таблица 2

Лингвистические примеры соответствия между образом
Элинора Дэшвуд и принципами теории эмоционального интеллекта

I. Общая характеристика персонажа	
Оригинал Дж. Остин (гл. 1)	Предлагаемый нами вариант перевода
Elinor, this eldest daughter, whose advice was so effectual, possessed a strength of understanding , and coolness of judgment , which qualified her, though only nineteen, to be the counsellor of her mother, and enabled her frequently to counteract, to the advantage of them all, that eagerness of mind in Mrs. Dashwood which must generally have led to imprudence. She had an excellent heart;—her disposition was affectionate , and her feelings were strong ; but she knew how to govern them: it was a knowledge which her mother had yet to learn; and which one of her sisters had resolved never to be taught.	Элинора, старшая дочь, чей совет был столь действенным, обладала немалой проницательностью и умением рассуждать спокойно , что делало её, в возрасте всего девятнадцати лет, способной давать советы своей матери и часто сдерживать, к их общему благу, душевную порывистость миссис Дэшвуд, обычно приводившую к неосмотрительным поступкам. Элинора была человеком превосходных душевных качеств; она была любящей и заботливой по характеру , её чувства были сильными , но она знала, как ими управлять . Это было умение , которому её матери ещё предстояло научиться, и которому одна из её сестёр решила не учиться никогда.
II. Способность адекватно управлять эмоциями в состоянии стресса	
Оригинал Дж. Остин (гл. 19)	Предлагаемый нами вариант перевода
Elinor sat down to her drawing-table as soon as he was out of the house, busily employed herself the whole day , neither sought nor avoided the mention of his name, appeared to interest herself almost as much as ever in the general concerns of the family , and if, by this conduct, she did not lessen her own grief, it was at least prevented from unnecessary increase, and her mother and sisters were spared much solicitude on her account.	Элинора села за свой стол для рисования, как только он покинул дом, и находила для себя занятия весь день . Она не искала, но и не избегала упоминания его имени, и столь же много времени, сколь и всегда, уделяла привычным семейным хлопотам по дому . И такой настрой помог ей если и не уменьшить свою печаль, то, по крайней мере, не дать ей усугубиться, а её мать и сёстры были ограждены от тревог на её счёт.

¹³ В современной динамичной жизни, нередко вызывающей стресс, рисование (и особенно раскрашивание) даже стало одним из видов медитации для взрослых людей: появились специальные раскраски различных форматов (в том числе для электронных устройств – компьютеров, ноутбуков, смартфонов) и др.

В общей характеристике персонажа мы выделили особым шрифтом тот фрагмент, в котором прямо упоминается способность управлять (*govern* в ИЯ) чувствами и эмоциями. Автор романа называет эту способность знанием (*knowledge* в ИЯ), мы в своём переводе на русский язык использовали эквивалент «умение». В любом случае самым важным здесь является подчёркивание автором романа данной способности управлять чувствами как особой компетенции, которой можно владеть в той или иной степени. Это соответствует положениям теории эмоционального интеллекта как управления эмоциями.

3.5. Эмоциональный интеллект и понятие *sensibility*. Что касается понятия *sensibility*, которое традиционно ассоциируется с образом Марианны, то эта героиня, в силу своей неопытности, спонтанно и полностью отдавалась любым эмоциям, не стараясь их анализировать или регулировать. И мы видим, что такие черты эмоционального поведения не согласуются с принципами современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера.

Как и в случае с образом Элинор Дэшвуд, в романе присутствует очень много подтверждений описываемых нами особенностей характера и поведения Марианны. В качестве лингвистического материала, доказывающего наше утверждение об их несоответствии основным принципам теории эмоционального интеллекта, приведём в табл. 3 два наиболее наглядных примера: общую характеристику персонажа от самого автора и пример типичного поведения Марианны в стрессовых ситуациях.

Таблица 3

Лингвистические примеры несоответствия между образом Марианны Дэшвуд и принципами теории эмоционального интеллекта

I. Общая характеристика персонажа	
Оригинал Дж. Остин (гл. 1)	Предлагаемый нами вариант перевода
Marianne's abilities were, in many respects, quite equal to Elinor's. She was sensible and clever; but eager in everything: her sorrows, her joys, could have no moderation. She was generous, amiable, interesting: she was everything but prudent.	Способности Марианны были, во многих отношениях, равны достоинствам Элинор. Она была чувствительна и умна, но порывиста во всём: её огорчения, её радости не знали меры. Она умела быть великодушной, дружелюбной, интересной: какой угодно, но только не осмотрительной.
II. Неспособность адекватно управлять эмоциями в состоянии стресса	
Оригинал Дж. Остин (гл. 16)	Предлагаемый нами вариант перевода
Marianne would have thought herself very inexcusable had she been able to sleep at all the first night after parting from Willoughby. She would have been ashamed to look her family in the face the next morning, had she not risen from her bed in more need of repose than when she lay down in it. But the feelings which made such composure a disgrace, left her in no danger of incurring it. She was awake the whole night, and she wept the greatest part of it. She got up with a head-ache, was unable to talk, and unwilling to take any nourishment; giving pain every moment to her mother and sisters, and forbidding all attempt at consolation from either. Her sensibility was potent enough!	Марианна не простила бы себе, если бы смогла уснуть хоть на миг в первую ночь после разлуки с Уиллоуби. Ей было бы стыдно посмотреть своей семье в глаза на следующее утро, если бы она не встала с постели, несмотря на то, что нуждалась в отдыхе ещё больше, чем когда ложилась в неё. Но чувства, в сравнении с которыми спокойствие казалось ей позором, не позволили ей иного. Марианна не спала всю ночь и провела большую её часть в рыданиях. Встав с головной болью, она была не в силах ни говорить, ни есть, ежеминутно причиняя боль матери и сёстрам и отклоняя любые их попытки утешить её. Так сильна была её чувствительность!

When breakfast was over she walked out by herself, and wandered about the village of Allenham, indulging the recollection of past enjoyment and crying over the present reverse for the chief of the morning.

The evening passed off in the equal indulgence of feeling. She played over every favourite song that she had been used to play to Willoughby, every air in which their voices had been oftenest joined, and sat at the instrument gazing on every line of music that he had written out for her, **till her heart was so heavy that no farther sadness could be gained; and this nourishment of grief was every day applied.** She spent whole hours at the piano-forté alternately singing and crying; her voice often totally suspended by her tears. In books too, as well as in music, she courted the misery which a contrast between the past and present was certain of giving. She read nothing but what they had been used to read together.

Such violence of affliction indeed could not be supported for ever; it sunk within a few days into a calmer melancholy; but these employments, to which she daily recurred, her solitary walks and silent meditations, **still produced occasional effusions of sorrow as lively as ever.**

После завтрака Марианна отправилась на прогулку в одиночестве и бродила вокруг деревушки Алленем, предаваясь воспоминаниям о былых радостях и почти всё утро оплакивая столь безрадостное настоящее.

В течение всего вечера Марианна предавалась тем же чувствам. Она снова и снова пела все свои любимые песни, которые раньше исполняла для Уиллоби, все те арии, в которых их голоса часто сливались воедино, и, сидя за инструментом, всматривалась в каждую строку нотных записей, сделанных для неё Уиллоби, **пока, наконец, у неё на сердце не стало так тяжело, что оно уже не могло наполниться большей печалью.** Полная горечи пища преподносилась ему **каждый день.** Марианна проводила целые часы за фортепиано, то наигрывая песни, то рыдая, и слёзы не раз прерывали её пение. В книгах так же, как и в музыке, она искала ту печаль, которая порождается контрастом между прошлым и настоящим. Она не читала ничего, кроме того, что они когда-то читали вместе.

Столь неистовое горе нельзя было выносить вечно; через несколько дней она погрузилась в более тихую меланхолию, но ежедневные прогулки в одиночестве и безмолвные размышления продолжились, **время от времени приводя к столь же бурным проявлениям, что и раньше.**

В общей характеристике персонажа мы выделили особым шрифтом те фрагменты, в которых автор упоминает отсутствие каких-либо усилий со стороны Марианны по сдерживанию своих эмоций.

В отличие от сестры Марианна не умела создавать благоприятную эмоциональную атмосферу для решения практических задач: например, для борьбы со стрессом. В отличие от Элинор, севшей рисовать и находившей себе постоянные занятия после ухода Эдварда, Марианна во время разлуки со своим возлюбленным стимулирует негативные переживания вместо формирования конструктивного эмоционального настроения. Подобное поведение не соответствует основным принципам современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера.

Рассматривая компонент эмоционального интеллекта «эмпатия», отметим, что со стороны Марианны умение сопереживать ограничивалось лишь чувствительностью по отношению к произведениям искусства (музыке, литературе) или красотам природы, а после разочарования в первой любви – жалостью исключительно к себе. Она не чувствовала, что её депрессия вызывает стресс у самых близких ей людей и поэтому не пыталась управлять эмоциями или сдерживать их, как это делала Элинор. До своего преобразования в более зрелую личность, направляемую здравым смыслом *sense*, Марианна в своих социальных взаимодействиях прак-

тически не проявляла подлинного сочувствия к людям¹⁴ и позволяла себе о них достаточно резкие высказывания. Лишённая подлинного умения сопереживать (что не согласуется с теорией эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера), Марианна, тем не менее, считала себя истинно чувствительной натурой, следуя моде на сентиментализм.

Таким образом, компонент *sensibility* (рассматриваемый именно в образе Марианны) в романе является не воплощением эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера, а скорее лишь гибридом юношеской незрелости (идеализм, максимализм, эгоизм) и увлечения сентиментализмом с бросающимся в глаза юношеским отсутствием подлинного сочувствия к людям, хотя сопереживание обычно является традиционной чертой сентиментализма. Даже сентиментализм в его классическом понимании (т.е. включающий эмпатию и сопереживание) отличается от современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера уже в своём самом ключевом положении. Сентиментализм провозглашает высвобождение чувств и следование им в качестве ориентира вместо разума, в то время как в теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера подчёркивается, что эмоции являются лишь инструментами и источниками информации для решений разума.

Тем не менее, помимо сопереживания у сентиментализма и эмоционального интеллекта есть ещё один общий компонент – способность влиять на аудиторию через эмоции. Умение манипулировать открыто подчёркивается теоретиками эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера. В исследовании П. Саловея уточняется, что управление эмоциями включает в себя управление не только своими эмоциями, но и чужими [Salovey, Grewal, 2005. Р. 282]. В качестве примера успешного владения компетенциями эмоционального интеллекта приводится следующий пример. Гипотетический политический деятель (при этом авторами уточняется гендерный признак: женщина) может увеличить эмоциональную интенсивность своего гнева во время выступления, чтобы донести до аудитории своё послание и вызвать у неё «справедливый» (*righteous*, по словам авторов) гнев. Таким образом, современные исследователи допускают открытую манипуляцию с целью вызвать эмоции (в том числе, по их мнению, «справедливо» негативные и даже агрессивные) как одно из успешных, на их взгляд, проявлений эмоционального интеллекта. Данный пример очень напоминает то, что англичане в эпоху жизни Дж. Остин считали одним из следствий сентиментализма, часто апеллирующего к чувствам аудитории. В их глазах именно культ порывов сердца стал одной из причин анархии и трагических событий во время революции во Франции [Goubert, 2013. Р. 470-472]. В те времена сентиментализм в литературе и в искусстве в целом стал вызывать к себе настороженное отношение со стороны цензоров и блюстителей нравственности как способная манипулировать эмоциями сила.

Сентиментализм и теория эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера имеют два общих компонента – эмпатия (сопереживание) и манипуляция, отражающие два контрастных подхода к эмоциям окружающих людей. При этом в контексте рассматриваемого романа эти две общие с эмоциональным интеллектом черты сентиментализма не имеют явного выражения в понятии *sensibility* (в той его форме, которая воплощена в образе Марианны).

Доказав, что современная теория эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера соответствует образу Элинон (и лексеме *sense*), а не образу Марианны (и лексеме *sensibility*), напомним о второй, ранее рассмотренной, интерпретации эмоционального интеллекта как сознательного или неосознанного (при этом полного либо частичного) отказа от традиционных законов логики. Данное определение отражает психологически незрелое восприятие окружающего мира Марианной. В сюжете романа её эмоциональная импульсивность (отражённая в лексеме *sensibility*) нередко подводит её в правильном понимании причинно-следственных и иных логических связей, существующих в объективной реальности.

Пример субъективной (и во многом решающей в её жизни) интерпретации реальности Марианной вопреки принципам рациональной логики можно найти в гл. 29 (табл. 4). Элинон

¹⁴ Автор романа систематически и последовательно демонстрирует это через отношение Марианны к людям: полковнику Брэндону, к миссис Дженнингс, к гипотетической «старой деве» 27 лет и т.д.

слышит от Марианны признание, что та продолжала любить Уиллоби и даже писать ему романтические письма, хотя он никогда не заключал с ней помолвку и даже никогда не говорил, что любит её. При этом Марианна парадоксально считает, что факт отсутствия помолвки (несмотря на пылкие ухаживания) вовсе не выставляет Уиллоби в негативном свете, ведь таким образом при их разрыве он не нарушил никаких обещаний...

Таблица 4

Лингвистический пример эмоционального интеллекта
как нарушения законов логики в поведении героини романа Марианны

Оригинал Дж. Остин (гл. 29)	Предлагаемый нами вариант перевода
"...Much as you suffer now, think of what you would have suffered if the discovery of his character had been delayed to a later period—if your engagement had been carried on for months and months, as it might have been, before he chose to put an end to it. Every additional day of unhappy confidence, on your side, would have made the blow more dreadful."	...Сейчас ты сильно страдаешь, но представь, как бы тебе было больно, если бы он показал своё истинное лицо гораздо позже, если бы ваша помолвка длилась долгие месяцы (как это и могло произойти) перед тем, как он решил бы положить ей конец. Каждый твой новый день, прожитый в напрасной надежде, сделал бы этот удар ещё более сильным.
"Engagement!" cried Marianne, "there has been no engagement."	– Помолвка! – воскликнула Марианна. – Никакой помолвки не было.
"No engagement!"	– Никакой помолвки?!
"No, he is not so unworthy as you believe him. He has broken no faith with me."	– Нет, он не так низок, как ты думаешь. Он не нарушил никаких обещаний по отношению ко мне.
"But he told you that he loved you?"	– Но он говорил тебе, что любит тебя?
"Yes—no—never absolutely. It was every day implied, but never professedly declared. Sometimes I thought it had been—but it never was."	– Да... нет... никогда с определенностью. Это каждый день подразумевалось, но никогда не было открытым признанием. Иногда мне казалось, что это произошло, но фактически этого не было.

В качестве лингвистического материала, доказывающего наш вывод, можно привести многочисленные очевидные примеры из романа, однако представить их здесь в полном объёме не представляется нам возможным.

3.6. Выводы по сопоставлению ключевых лексем *sense/sensibility* и макроконтраста романа с современными теориями эмоционального интеллекта. Именно понятие *sense* (не *sensibility*) в контексте романа близко и практически идентично четырем основным элементам классификации эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера.

При этом понятие *sensibility* в романе, как мы показали выше, соответствует более радикальному определению эмоционального интеллекта как противоположности рациональной логике.

4. Заключение. В данной статье мы сформировали необходимый теоретический материал, посвящённый возможным интерпретациям антитезы «Sense and Sensibility», который послужит опорой при нашем дальнейшем изучении новых переводов данного романа Дж. Остин

на французский и русский языки. Мы не только обобщили традиционные интерпретации рассматриваемой антитезы, но и предложили (в качестве практической части нашей работы) новые подходы к пониманию противопоставления *sense* и *sensibility* в данном произведении.

Во-первых, компонент *sense* можно понимать не только как разум или здравый смысл индивида, но также и как смысл (*sense*) объективной реальности в его соотношении с большей или меньшей степенью субъективной чувствительности (*sensibility*) индивида. Несмотря на присутствие в романе немалого количества примеров несоответствий между реальностью и способностью персонажей её почувствовать, данная версия возможной интерпретации рассматриваемой антитезы, очевидно, ещё не была изучена исследователями.

Во-вторых, мы сопоставили антитезу «*Sense and Sensibility*» с основными принципами современных теорий эмоционального интеллекта.

Мы выявили, что сама сущность классического нравственного послания с течением времени осталась актуальной и близкой (и даже лежит в основе) современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера.

Однако в отличие от воспитательного и поэтому нравственно одухотворённого послания романа, в самих формулировках современного взгляда на взаимодействие разума и эмоций достаточно явно выражены прагматичный (до некоторой степени потребительский) подход к своим и чужим эмоциям, а также допущение манипуляции чужими эмоциями с целью достижения успеха в социуме. В многочисленных определениях и классификациях эмоционального интеллекта использование эмоций пропагандируется (открыто и прямо) в качестве источника информации с целью решения практических задач и улучшения коммуникации с другими представителями социума, что способствует широкому распространению этого концепта.

Возьмём на себя смелость предположить, что возрастанию актуальности современной теории эмоционального интеллекта П. Саловея и Дж. Майера в немалой степени способствуют также лежащие глубоко в её основе и проверенные временем истины, отражённые когда-то Дж. Остин в её романе «*Sense and Sensibility*». Завершая данное сопоставление, позволим себе вспомнить известную народную мудрость: «Всё новое – это хорошо забытое старое».

Тот факт, что классическая этика следования разуму из английского романа конца XVIII – начала XIX вв. и зародившаяся в XX в. в США теория эмоционального интеллекта имеют общие основания, можно рассматривать как явление межкультурной коммуникации и переосмысление одних и тех же принципов поведения двумя различными менталитетами. Каждый из них привносит в их понимание свой собственный национальный колорит, а также дух соответствующей эпохи. Возможно, позже мы продолжим исследования и в этом направлении, помимо нашего основного предмета – лингвистических особенностей новых переводов романа Дж. Остин «*Sense and Sensibility*» на французский и русский языки.

Список литературы

- Austen J.* *Sense and Sensibility*. Penguin Books, 2014. 381 p.
- Baker W.* *Critical Companion to Jane Austen: A Literary Reference to Her Life and Work*. Infobase Publishing, 2008. 644 p.
- Bar-On R.* The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI) // *Psicothema*, 18. 2006. P. 13–25.
- Colman A. M.* *A Dictionary of Psychology*. Oxford University Press, 2015. URL: <https://books.google.ru/>
- Cossy V.* *Jane Austen in Switzerland: A Study of the Early French Translations*, Genève, Slatkine, 2006. 336 p.
- Goubert P.* Notice. // *Le Coeur et La Raison*. Paris: Gallimard, 2013. P. 469–487.
- Jordis Ch.* Préface. // *Le Coeur et La Raison*. Paris: Gallimard, 2013. P. 7–37.
- Marshall Ch.* Dull elves and feminists: A summary of Feminist Criticism of Jane Austen // *Journal of the Jane Austen Society of North America – Persuasions* 14. 1992. P. 39–45.

Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d'Antoine Berman jusqu'à présent. Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava, no. 23 (2015): 41–51.

Salovey P., Grewal D. The Science of Emotional Intelligence // Current Directions in Psychological Science. Vol. 14, No. 6. American Psychological Society, 2005. P. 281–285.

Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality, 9. 1990. P. 185–211.

Бобылева Т. В. Анализ переводов названия романа Джейн Остин «Sense and Sensibility» на французский язык // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 1. С. 76–95.

Бобылева Т. В. Анализ переводов названия романа Дж. Остин «Sense and Sensibility» на русский язык // Вестн. Новосиб. гос. ун-та. Серия: Лингвистика и межкультурная коммуникация. 2018. Т. 16, № 3. С. 116–126.

Войскунский А. Е. Метафоры Интернета. // Вопр. философии. 2001. № 11. С. 64–79.

Материал поступил в редколлегию 13.06.2018

Tatiana V. Bobyleva

*Novosibirsk State University
1 Pirogov Str., Novosibirsk, 630090, Russian Federation*

tanvbob2018@gmail.com

NEW AND TRADITIONAL APPROACHES TO INTERPRETATION OF THE ANTITHESIS *SENSE AND SENSIBILITY* IN THE TITLE OF J. AUSTEN'S NOVEL

The purpose of analyzing possible interpretations of the antithesis *Sense and Sensibility* in the title of J. Austen's novel is to provide a theoretical basis for the author's broader research. Presented also in other articles, the entire study is devoted to the analysis of different interpretations of the antithesis in French and Russian translations: both in the title and in the main message (macrocontext) of the novel. As a practical part of the research, the author presents in the current article her own arguments related to possible new interpretations of the antithesis. Namely: 1) hypothesis about a dual nature in the meaning of the antithesis itself: not only the traditional opposition "reason vs. feelings", but also the *sense* of objective reality vs. individual's subjective *sensibility*; 2) comparison of the moral message of the novel (opposition "reason vs. feelings" in favor of the merits of reason) and modern theories of emotional intelligence. The author tries to prove that the four-branch model of emotional intelligence by P. Salovey and J. Mayer is based on the classic message – the merits of reason, however completed with commercial and pragmatic aspects. In addition, this new interpretation of the antithesis (*sense* of objective reality vs. individual's subjective *sensibility*) is complemented by the author with her own possible Russian versions of the novel title, reflecting the new meaning and at the same time preserving the alliteration that the English original has.

Keywords:, emotional intelligence, English, Jane Austen, sense

References

Austen J. *Sense and Sensibility*. Penguin Books, 2014, 381.

Baker W. *Critical Companion to Jane Austen: A Literary Reference to Her Life and Work*. Infobase Publishing, 2008. 644 p.

Bar-On R. The Bar-On Model of Emotional-Social Intelligence (ESI) // *Psicothema*, 18. 2006. P. 13–25.

Collins I. Jane Austen and the Clergy. A&C Black, 2003. URL: <https://books.google.ru/>

Colman A. M. A Dictionary of Psychology. Oxford University Press, 2015. URL: <https://books.google.ru/>

Cossy V. Jane Austen in Switzerland: A Study of the Early French Translations, Genève, Slatkine, 2006. 336 p.

Cossy V. Why Austen cannot be a “classique” in French: New Directions in the French Reception of Austen / Jane Austen Society of North America. - 2010. – Vol. 30. – No. 2. // URL: <http://www.jasna.org/persuasions/on-line/vol30no2/cossy.html>

Doody M., Lamont C. Introduction // Sense and Sensibility. Oxford: Oxford University Press, 2008. 327 p. URL: <https://books.google.ru/>

Goossen L. La représentation de la condition féminine dans Sense and Sensibility de Jane Austen et dans deux traductions: Raison et Sensibilité par Isabelle de Montolieu et Le Coeur et la Raison par Pierre Goubert. Mémoire de master. – 2016 - Université Radboud // URL: <http://theses.uibn.ru.nl/bitstream/handle/123456789/1963/Goossen,%20L.H.%204243641.pdf>

Goubert P. Notice. // Le Coeur et La Raison. Paris: Gallimard, 2013. pp. 469-487.

Jordis Ch. Préface. // Le Coeur et La Raison. Paris: Gallimard, 2013. pp. 7-37.

Marshall Ch. Dull elves and feminists: A summary of Feminist Criticism of Jane Austen // Journal of the Jane Austen Society of North America – Persuasions 14, (1992), pp. 39-45.

Mattos T. Définir et redéfinir la retraduction: d’Antoine Berman jusqu’à présent. Atelier de traduction. Editura Universitatii din Suceava, no. 23 (2015): 41–51.

Salovey P., Grewal D. The Science of Emotional Intelligence // Current Directions in Psychological Science. Vol. 14, No. 6. American Psychological Society, 2005. P. 281-285.

Salovey P., Mayer J. D. Emotional intelligence // Imagination, Cognition, and Personality, 9. 1990. P. 185–211.

Wolf A. Translation, Adaptation, Inscription: Displacing God in Austen’s Sense and Sensibility. Montréal: Les Presses de l’Université de Montréal, 2011. URL: <https://www.erudit.org/fr/revues/meta/2011-v56-n4-meta0154/1011257ar.pdf>

Bobyleva Tatiana V. Analysis of Russian Translations of Jane Austen Novel’s Title «Sense and Sensibility». Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2018, vol. 16, no. 3, p. 116–126. (in Russ.)

Bobyleva T. V. Analysis of French Translations of Jane Austen's Novel Title Sense and Sensibility. Vestnik NSU. Series: Linguistics and Intercultural Communication, 2018, vol. 16, no. 1, p. 76-95. (In Russ.)

Voiskunskii A. E. Metaforý Interneta [The Internet metaphors]. // Voprosy filosofii, № 11, 2001, s. 64-79. (In Russ.)

Pospelov D. A. Gde ischezaiut virtual'nye miry? [Where the virtual worlds end?] // Novosti iskusstvennogo intellekta, № 3, 2003. URL: <http://raai.org/library/library.shtml?ainewspapers> (In Russ.)